

Енгальчев В.Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза // Прикладная юридическая психология: Учебное пособие для вузов / Под ред. проф. А.М.Столяренко.- М.: Юнити-Дана, 2001, С. 420-430.

Engalytchev V.F. A Postmortem Forensic Psychology Evaluation // Applied Law Psychology: A textbook for universities / Ed. by Prof. Stolyarenko A.M.- Moscow: Yuniti-Dana Publishing Firm, 2001, P. 420-430.

Этот вид экспертно-психологических исследований является одним из самых сложных и вызывает постоянный интерес отечественных и зарубежных исследователей. О психологическом анализе причин смерти, имеющей возможную криминальную природу, писали Г. В. Акопов с соавторами¹, Л. В. Алексеева², Дж. Верт³, Д. Кантер⁴, М. М. Коченов⁵, И.А. Кудрявцев⁶, Д. Лестер⁷, Н. Реттерстол⁸, Ф. С. Сафуанов⁹, В. Ф. Енгальчев и С. С. Шипшин¹⁰, и др. Многими из них отмечается, что главная трудность здесь заключается в том, что объектом исследования служит не психика живой личности, а только следы ее психической деятельности, при жизни оставленные в окружающих материальной и духовной средах: в воспоминаниях, письменных текстах, личных предметах и пр.

Предметом посмертной судебно-психологической экспертизы являются индивидуальные особенности психической деятельности суицидента. Причем исследование не должно ограничиваться простой констатацией установленных фактов и закономерностей. Оно обязано также выявить возможное наличие связей различных психических свойств и состояний с событиями, имеющими существенное значение для следствия и суда. Особое значение в данной экспертизе придается анализу периода жизни непосредственно перед совершением суицида, т.н. предсуицид. Исследователями здесь отмечается несколько форм внутреннего суицидального поведения: суицидальные мысли, замыслы и намерения, а также соответствующий эмоциональный фон - суицидальные переживания.

Суицидальные мысли, представления и фантазии на тему своей смерти являются пассивной формой суицидального поведения. Об их существовании на раннем этапе предсуицида могут свидетельствовать дневниковые записи, рисунки, письма, показания свидетелей, имевших возможность наблюдать суицидента в соответствующий период времени.

Активной формой суицидального поведения являются суицидальные замыслы и намерения. Замысел включает в себя проработку плана действий, связанных с исполнением самоубийства, продумывается способ суицида, время и место его совершения. Суицидальное намерение характеризуется наличием волевого начала, побуждающего к непосредственному переходу от замысла к реализации.

¹ Акопов Г.В., Мельченко Н.И., Ефимова О.И. (ред.) Методы профилактики суицидального поведения. Самара-Ульяновск: изд-во СГПУ, 1998.

² Алексеева Л.В. Практикум по судебно-психологической экспертизе. - Тюмень: изд-е ТюмГУ, 1999.

³ Werth J.L. (Editor) Contemporary Perspectives on Rational Suicide (Series in Death, Dying, and Bereavement). NY: Brunner/Mazel Publishers, 1998.

⁴ Canter D. Criminal Shadows. - London: Harper Collins Publishers, 1994.

⁵ Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. - М.: издание МГУ, 1980.

⁶ Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. - М.: издание МГУ, 1999.

⁷ Lester D. (Editor) Current Concepts of Suicide. NY: The Charles Press, 1990.

⁸ Retterstol N. Suicide. European Perspective.- Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

⁹ Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. - М.: Смысл-Гардарика, 1998.

¹⁰ Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза. Методическое руководство. Издание 2-е, изм. и доп. Калуга-Обнинск-Москва: изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 1997.

По мнению Акопова с соавторами¹¹, формы суицидального поведения выражены в структуре суицидальных переживаний, которые характеризуются отношением к двум полярно противоположным ценностям: собственной жизни и смерти.

Отношение к жизни в предсуициде выражается в четырех основных формах:

- 1) ощущение безразличия;
- 2) чувство сожаления о своем существовании;
- 3) переживание его тягостности, невыносимости;
- 4) отвращение к жизни.

Отношение к смерти выступает в формах:

- 1) страх смерти, хотя и сниженный в своей интенсивности;
- 2) ощущение безразличия;
- 3) чувство внутреннего согласия на смерть;
- 4) желание смерти.

В структуре суицидальных переживаний выделенные формы встречаются в различных сочетаниях, создавая множество индивидуальных вариантов. Те же авторы указывают, что для диагностики суицидального переживания, как такового, психологу необходимо установить одновременно наличие любой пары элементов из двух перечисленных рядов¹².

В ряде случаев мотивы суицида очевидны (истинный суицид), они подтверждаются материалами следствия, но для полноты доказательств по делу может быть назначена посмертная судебно-психологическая экспертиза, на разрешение которой выносятся следующие вопросы:

- Находилось ли данное лицо в период, предшествовавший смерти, в психическом состоянии, предрасполагавшем к самоубийству?
- Если да, то чем это состояние могло быть вызвано?

Приведем пример.

Перед подъездом 9-ти этажного жилого дома был обнаружен труп 16-летней Л., в кармане одежды которой находилась записка следующего содержания: “Папочка, прости меня, но это единственный выход”.

По показаниям К., подтвержденными показаниями его жены В., его дочь Л. родилась слабым болезненным ребенком. Жена умерла, когда ей был только год. Он, как отец, очень любил свою дочь, сам ее растил, купал и кормил. Когда дочери было три года, он женился вновь. У его новой жены было своих двое детей. Все дети жили дружно, мачеха старалась никак не отделять Л. от своих детей. Как считает подэкспертный, они с женой относились к Л. даже лучше, чем к другим детям, старались облегчить ей жизнь. У нее, как у старшей, была своя комната, где она любила уединяться, никого к себе не пуская. До самой смерти у нее в комнате оставались любимые куклы. Л. не хотела их прятать и говорила, что это память о детстве. К подростковому возрасту у Л. сформировались такие черты характера, как прилежность, послушание, старательность, дисциплинированность. Она не была слишком разговорчивой или общительной, скорее наоборот – ценила покой и одиночество. Из близких подруг она дружила только с Г., которая иногда приходила к ней в гости. У нее была интересная черта, о которой почти никто не знал, за исключением К. и Г.: она писала письма героям художественных фильмов, но никогда их не отсылала. К. считал, что, когда дочь вырастет, она может быть станет писательницей.

Учительница литературы отмечала ее хороший слог и чувство языка. Несмотря на мягкость характера, очень редко, но два-три раза бывали случаи, когда Л. резко высказывалась по каким-то поводам. Правда, уже через непродолжительное время она приходила вся в слезах, просила ее простить. Как-то при ссоре Л. в сердцах сказала родителям, что они не совсем справедливо к ней относятся, что, если бы была жива ее родная мать, та бы ее понимала лучше. Тем не менее, острых конфликтов в семье не было, и Л. неоднократно заявляла, что ее отец ей очень дорог, и что, когда-нибудь она это докажет.

Примерно за год до смерти у Л. появились друзья, с которыми она подолгу стала гулять на улице. Несколько раз она поздно возвращалась из кино или дискотек. Родители предупреждали ее, что это может плохо закончиться, приводили соответствующие негативные примеры, но Л. говорила, что все это к ней лично не относится. Однажды она пришла из школы вся в слезах. С трудом они узнали от нее, что прямо во время занятий из класса ее вызвал в коридор некто Лен., который стал предлагать ей свое покровительство. Когда она резко повернулась, чтобы уйти, он силой удержал ее и проговорил, что если она будет

¹¹ Акопов Г.В. Указ. соч. С.21

¹² Акопов Г.В. Указ. соч. С.22.

“выступать”, ей будет хуже. К. очень взволновало это событие, он тут же пошел в школу выяснять, кто такой Лен., и как он проник в школу, но вразумительного ответа ни от кого не получил. После этого Лен. еще несколько раз давал о себе знать. Он перехватывал Л. по дороге в школу или домой, силой заставлял ее стоять рядом с ним и разговаривать, представлял Л. своим друзьям, как свою девушку.

Однажды поздно ночью раздался телефонный звонок. Мужской голос стал требовать к телефону Л. В ответ на слова К. о том, что звонить уже поздно и что Л. спит, мужчина грубо ответил, что это не его дело и пусть он лучше побережет свое здоровье. После того, как подэкспертный бросил трубку, звонки раздавались еще некоторое время. Л. стала крайне подавленной, часто плакала, боялась выходить одна на улицу, в школу и из школы ее сопровождать либо К., либо его жена, хотя это и причиняло им очень много неудобств. Но вскоре звонки прекратились, и они успокоились. В это время ничего необычного в поведении Л. ими не отмечалось.

Новый год Л. собралась проводить с друзьями. К. с женой проводили ее и ушли домой в уверенности, что все должно быть нормально. На следующий день Л. пришла домой примерно в 4 утра. Вид у нее был страшный: заплаканная, глаза распухшие, вся изможденная. У нее была настоящая истерика, которая долго не могла прекратиться. Они не смогли добиться от нее рассказа о том, что произошло. Оставив ее одну в комнате, они вышли, решив вернуться к этой теме позднее. К. с женой пошли к подруге Л., чтобы все выяснить. В это время Л. оставалась в квартире одна.

Подруга Л. – Г. показала, что телефонные звонки прекратились только для родителей, на самом деле они продолжались. Однажды Лен. встретил Л. на квартире у Г., где оказался вместе со знакомым Г., и в ультимативной форме потребовал, чтобы Л. не прекращала с ним встречаться. В случае ее отказа, либо передачи содержания разговора родителям, он угрожал “очень тяжелыми последствиями” для нее и для них. Последнее напугало Л. больше всего, поскольку она подумала, что из-за нее могут причинить вред отцу. Она не сообщила об этой встрече родителям, т.к. подумала, что если об этом узнает отец, он не будет молчать, а пойдет “выяснять отношения”, и в конечном итоге всем им будет очень плохо. Лен. регулярно звонил Л. в то время, когда родителей не было дома. Иногда Лен. встречал Л. возле школы, провожал, при этом не разрешал без его согласия выходить из дома и с кем-либо встречаться. Лен. говорил ей, что если она будет вести себя “не по делу”, ее сделают проституткой, а родителей “замочат”, и что Лен. для нее фактически “ангел-хранитель”. Со слов Г., Л. была уверена, что все это в действительности так страшно. Она переживала унижение, ощущая себя “чужой вещью”, испытывала мучительные колебания из-за невозможности ни порвать с Лен., ни сказать об этом отцу. Вместе с тем она мечтала, окончив школу, тут же уехать учиться куда-нибудь “далеко-далеко”, где ее никто не найдет. А уже оттуда она “написала бы ему подробное письмо”.

Новый год Л. и Г. собрались проводить с друзьями. Лен. спрашивал ее, где это будет происходить, и она не смогла это скрыть. Примерно в 23 часа в квартиру позвонил Лен. и попросил Л. выйти на лестничную площадку, где он ее “хотел поздравить с праздником”. Но на лестничной площадке он сильно взял ее за руку и повел к машине, где хотел “познакомить со своими друзьями”. Л., начала плакать и говорить, что не хочет никуда идти, но он уговорил ее сесть в машину, чтобы “поговорить”, поскольку на улице стояло холодно. Внезапно машина тронулась с места и быстро уехала в неизвестном направлении.

По показаниям свидетелей по делу, Л. привезли в сауну спортивного комплекса, где ее ввели в мужское отделение. К ней вышло несколько голых мужчин, завернутых в банные полотенца. Неожиданно они сняли с себя полотенца и стали говорить Л., что будут по двое и по трое с ней заниматься сексом, описывали подробности, как именно это все будет происходить. По Л. было видно, что она очень испугалась. У ее началась истерика, стало плохо с сердцем. На ее глазах мужчины занимались сексом с другими девушками, били их и заставляли пить водку. Все это продолжалось несколько часов. Л. заставляли на все это смотреть. В конце “праздника” Лен. отвез ее домой, предупредив, чтобы она никуда не уходила, т.к. скоро они за ней вернутся.

Анализ материалов уголовного дела позволил экспертам-психологам прийти к следующему выводу. В период предшествующий смерти Л. предположительно находилась в состоянии острой фрустрации, вызванной действиями Лен., угрозами в адрес ее и ее родителей. На момент, предшествующий смерти, Л. находилась в состоянии сильной психической напряженности (стресса), обусловленной посягательством на ее половую неприкосновенность, честь и достоинство; разворачивающаяся ситуация в сауне, реальная угроза подвергнуться еще большему насилию, противоречила ее принципам и морально-нравственным ценностям, образу жизни, воспитанию (доброжелательная атмосфера в семье, любовь и поддержка со стороны родителей, неприспособленность к жизненным трудностям). Предположительно у Л. была комбинированная акцентуация характера: педантичность, дистимичность, тревожность (по типологии Шмишека), предполагающая зависимость от внешних обстоятельств и утрату гибкости поведения в критических случаях. Все это, а также такие индивидуально-психологические особенности Л., как прилежность, послушание, старательность, дисциплинированность, чувствительность, ранимость, замкнутость, скрытность, и обусловили ее неспособность оказывать сопротивление психологическому и физическому насилию. Нарастающее психотравмирующее воздействие, достигшее своего пика в период предсудебного, сверхценность отношений с отцом, желание доказать ему свою любовь, отсутствие значимой психологической поддержки, могли оказаться решающими факторами при выборе стратегии выхода из сложившейся ситуации.

В некоторых случаях следствие сталкивается со случаями смерти, только имеющей внешние признаки суицида. Часто главной трудностью при расследовании этих случаев является отсутствие убедительных доказательств ведущей версии. Даже родные и близкие погибшего отказываются верить в его добровольный уход из жизни. Как это ни парадоксально, но иногда версия насильственной смерти для них оказывается предпочтительней, чем признание факта самоубийства. И они сознательно либо неосознанно оказывают давление на следствие. Близким людям трудно представить себе, что они могли просмотреть психологический кризис такой силы, единственным выходом из которого оказалась смерть. Им трудно поверить, что погибший не смог или не захотел обратиться к ним за помощью. Им страшно было бы узнать, что иногда они сами прямо или косвенно подтолкнули его к этому решению.

Как правило, такой острый психологический кризис, если только он не имеет психопатологической природы, либо развивается внезапно, под влиянием внезапных психотравмирующих событий значительной интенсивности, либо имеет длительную предысторию, постепенно аккумулируя негативные переживания. Но и в первом, и во втором случаях этот психологический кризис часто имеет аффектогенную природу. Это, по сути, физиологический аффект, направленный на себя. Отдельным случаем являются суициды, обусловленные особыми социокультурными традициями, которые в настоящее время не рассматриваются.

Классическим примером продуманного суицида, подготовленного несколькими годами борьбы за душевное равновесие, за поиски выхода, из субъективно безвыходной жизненной ситуации, является смерть известной советской поэтессы Юлии Друниной.

Для нее сильнейшим стрессогенным фактором явились сначала потеря любимого человека, а затем целой страны (Советского Союза не как политического образования, а как уникального социокультурного феномена), поэтическое служение которой во многом составляло смысл ее жизни. О ее душевном состоянии в это время лучше всего говорит одно из писем, написанное перед смертью: “Почему ухожу? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно, только имея крепкий личный тыл... А я к тому же потеряла два своих главных посоха – ненормальную любовь к Старокрымским лесам и потребность творить... Оно лучше – уйти физически неразрушенной, душевно несостарившейся, по своей воле. Правда, мучает мысль о грехе самоубийства, хотя я, увы, неверующая. Но если Бог есть, он поймет меня...”

Ее решение добровольно уйти из жизни было хорошо продумано и тщательно подготовлено. Перед смертью, 20 ноября 1991 года, Друнина написала письма: дочери, зятю, внучке, подруге Виолетте, редактору своей новой рукописи, в милицию, в Союз писателей. Ни в чем никого не винила. На входной двери дачи, где в гараже она отравилась выхлопными газами автомобиля, приняв снотворное, оставила записку: “Андрюша, не пугайся. Вызови милицию и вскройте гараж”¹³.

Но внешняя похожесть на суицид еще не означает его обязательной подтверждаемости в результате расследования. Такая смерть в действительности может, как минимум, иметь следующие варианты:

1. Истинное самоубийство.
 - 1.1. Самоубийство по собственному волеизъявлению.
 - 1.1.1. Рациональное (продуманное) самоубийство.
 - 1.1.1.1. Рациональное аффективное самоубийство.
 - 1.1.1.2. Рациональное неаффективное (по религиозным либо философским основаниям) самоубийство.
 - 1.1.2. Импульсивное аффективное самоубийство.
 - 1.2. Самоубийство по неосторожности.

¹³ Алешина А. Жизнь и смерть Юлии Друниной. // Независимая газета, N 21 (43) 1999, С.16.

2. Имитация самоубийства.

2.1. Имитация самоубийства (косвенное убийство).

2.1.1. Самоубийство под принуждением.

2.1.2. Доведение до самоубийства.

2.2. Имитация самоубийства (демонстрация в целях провокации или шантажа)

3. Естественная смерть, имеющая признаки самоубийства по независящим от умершего причинам.

3.1. Смерть в результате несчастного случая.

3.2. Естественная смерть в результате иных причин (старость, болезнь и пр.).

4. Истинное убийство.

4.1. Убийство, замаскированное под самоубийство.

4.2. Убийство, имеющее признаки самоубийства по независящим от убийцы причинам.

С другой стороны, иногда смерть, казавшаяся вызванной иными причинами, впоследствии оказывается классифицированной, как суицид. Еще более сложным случаем является ситуация, когда очевидны обстоятельства самоубийства, но в то же время неочевидны его мотивы. Поводами, позволившими усомниться в естественной смерти исследуемого лица либо в истинности его самоубийства, могут явиться показания свидетелей по делу, положение трупа, обнаружение определенных предметов рядом с трупом или на нем, содержание текстов, имеющих отношение к данному делу (на любых носителях: бумаге, магнитофонной кассете, компьютерном диске и пр.). Так, например, из следственной практики известны случаи, когда расширение свидетельской базы позволило переqualифицировать статью: смерть в результате несчастного случая была изменена на доведение до самоубийства (суицидент совершил бросок под проезжавшую машину обидчика), или актер, пытавшийся “вжиться в роль” и репетировавший поведение человека с выраженным депрессивным состоянием, совершил самоубийство по неосторожности и т.п.

Приведенная выше классификация отражает систему выдвижения различных следственных версий по делам, связанным с самоубийством. При этом имеются две ситуации, когда может возникнуть потребность в психологе: 1). В случае необходимости удостоверения в самом факте самоубийства, если собранные доказательства не позволяют сделать однозначного вывода об убийстве или самоубийстве. В этой ситуации психолог может быть привлечен к участию в расследовании, либо в качестве специалиста, либо в качестве эксперта. Здесь на разрешение психологу рекомендуется поставить два вопроса:

- Каковы были основные индивидуально-психологические (личностные, эмоционально-волевые, мотивационные, интеллектуальные) особенности личности подэкспертного, которые могли существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации?
- В каком психическом состоянии мог находиться подэкспертный в период, предшествовавший его смерти?

Здесь не следует задавать вопроса, касающегося “психического состояния, предрасполагавшего к самоубийству”, поскольку такая постановка вопроса намекает на доказанность арґіогі факта суицида.

2). В случае, когда имеются некоторые признаки самоубийства и одновременно обоснованные подозрения об определенной роли некоторых лиц в трагической судьбе суицидента, может быть назначена посмертная судебно-психологическая экспертиза для разграничения между собой самоубийства (истинного самоубийства) от доведения до самоубийства, что согласуется с квалификацией ст. 110 УК РФ: “Доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения

человеческого достоинства потерпевшего”¹⁴. Здесь, в дополнение к указанным выше, на разрешение эксперта целесообразно поставить следующие два вопроса:

- Имелась ли какая-либо взаимозависимость между психическим состоянием подэкспертного в период, предшествующий его смерти, и действиями определенного лица (указать какого)?
- Если такая взаимозависимость имелись, то каковы были ее характер и признаки?

Приведем характерный в этом отношении пример, где следствию необходимо было определиться с версиями: а) убийство с имитацией суицида; б) самоубийство; в) доведение до самоубийства. Для получения доказательств по делу была назначена судебно-психологическая экспертиза, на разрешение которой были вынесены все четыре указанных выше вопроса.

В сарае, принадлежащим гражданам Кл., проживающим в деревне Б., рано утром был обнаружен повесившимся их несовершеннолетний сын К. Накануне смерти между К. и Е. произошла ссора, в ходе которой на почве ревности Е. подверг избиению К., угрожал ему публичной расправой и унижением. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть К. наступила в результате сдавления шеи петлей при повешении, обнаруженные кровоподтек под левым глазом, западающая ссадина по наружному краю левой брови, обширный кровоподтек в области лопаток, кровоподтек в области правой голени, в причинной связи со смертью не состоят. После причинения телесных повреждений К. был способен совершать активные действия - кричать, передвигаться, поднимать тяжелые предметы и переносить их на расстояние. Причиненные К. телесные повреждения не могли привести его в бессознательное состояние.

В деревне многие были убеждены, что К. на самом деле был повешен, а самоубийство было симитировано, поскольку мотивов суицида, по утверждению родственников К., у него не было. Более всех этой версии придерживались родители К., которые обратились с заявлением в прокуратуру. По делу была назначена судебно-психологическая экспертиза, которая проходила параллельно с расследованием.

По показаниям свидетелей, знакомых К., погибший отличался вспыльчивостью, был обидчив, однако быстро отходил; остро реагировал на замечания по поводу его одежды, плохого зрения, особенностей поведения. По натуре был скрытен. Не признавал своих недостатков, отличался мстительностью. В драки старался не ввязываться, задирой никогда не был. Отстаивая себя, использовал преимущественно словесную защиту, колкости, оскорбления. Часто настраивал людей против себя, задевая их своими замечаниями. В классе старался выделиться, одевался хорошо, следил за собой. Девушки у К. не было, хотя от недостатка женского внимания он не страдал. К. дерзил окружающим, позволял себе вольности с учителями.

К. находился в дружеских отношениях со Ст. и входил в группу молодых людей, в которой Е. пользовался авторитетом и уважением. Молодые люди посещали секцию таэквон-до, где Е. постоянно демонстрировал мастерское владение этим видом боевых искусств, своими победами в спаррингах неоднократно вызывая у К. восхищение. К. осознавал, что физически Е. намного превосходит его. К. посещал секцию отчасти потому, что стеснялся своего слабого зрения, хотел быть физически развитым и сильным.

К. нередко слышал обвинения, направленные в его адрес, что он - “голубой”, поскольку постоянно ходит с парнем, и у него нет девушки. Поэтому, когда Г., которую в их компании “официально” считали девушкой Е., в течение нескольких месяцев отсутствия Е. стала выказывать К. признаки внимания, ему это очень понравилось. Г. писала ему стихи, звонила, ходила с ним на речку, признавалась подруге, что К. ей нравится, искала малейший повод встретиться с ним. Ближайшие друзья и родственники К. советовали ему не поощрять Г., так как это было бы подлостью по отношению к Е., могло привести к серьезному конфликту с ним. Е. считался человеком самолюбивым, гордым, злопамятным. Мать К. предостерегала его от близких отношений с Г., так как опасалась мести со стороны Е. К. стал избегать встреч с Г., не танцевал с ней на дискотеках. Он часто жаловался друзьям и близким, что Г. его преследует, навязывается ему. Матери он говорил, что из-за конфликтного характера Е., с Г. никто не дружит.

Накануне выпускного вечера К. поссорился с отцом, который заявил, что К. ему не сын, в результате К. пришлось добираться до Калуги на электричке, а не на машине, как обычно. На выпускном вечере К. предупредил Ст., чтобы последний наблюдал за ним, иначе он (К.) “получит в морду”, К. был явно

¹⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд-е 2-е, изм. и доп.- М.: НОРМА-ИНФРА М, 1999, С. 248.

расстроен, взвинчен, не в настроении. На выпускном вечере в нетрезвом состоянии К., подойдя к группе знакомых, среди которых находился Е., грубо пошутил: “Педики всех стран, объединяйтесь”, на что Е. поинтересовался у К., не себя ли тот имеет в виду. Такое поведение было нехарактерно для К. и удивило многих его знакомых. За столом на выпускном вечере Е., Г. и К. сидели недалеко друг от друга, и Е. стал в шуточной форме расспрашивать К. о том, как он “любит” Ст., так как последний много времени проводил в его обществе. В ответ К. оскорбил его, назвав “педиком” в присутствии большого числа знакомых. Поскольку это произошло публично, Е. был удивлен и поражен дерзостью и беспричинной злобой К. по отношению к нему. В деревне его боялись, так как Е. никому ничего не прощал, в данном же случае его оскорбили при всех. Е. встал из-за стола и вышел на улицу для того, чтобы не конфликтовать с К. на празднике. Через некоторое время К. вместе со Ст. вышел на улицу. Е. отозвал К. в сторону, чтобы выяснить, чем вызвана его неприязнь. К. стал обвинять Е. в том, что последний хочет его унижить и “опустить” перед девушками. Ст. и подошедшая мать К. разняли их. На следующий день до Е. стали доходить слухи о том, что Г. “бегает” за К., купалась с ним на речке, и к тому же ушла с ним в поход. По показаниям ряда свидетелей, в походе Г. пыталась уединиться с К., выслала из палатки подругу и долгое время оставалась с ним наедине (около 2-3 часов), засветила пленку, на которой была сфотографирована вместе с К. ночью в палатке. Однако, со слов самой Г., К. признался ей в ту ночь в любви, просил бросить Е. На следующее утро К. выглядел чем-то сильно расстроенным. Вернувшись домой, на расспросы матери не отвечал.

На следующий день Е. направился домой к Г., поссорился с ней, обвиняя в измене с К., и Г. призналась ему в этом, ссылаясь на свое нетрезвое состояние. После этих слов Е., по показаниям свидетелей, находился во “взвинченном” состоянии, проявлял раздражительность, и агрессивность. При большом скоплении знакомых у клуба он грозился избить К., унижить его, “опустить”, предлагал знакомым присоединиться и помочь ему в этом, потом пытался вызвать К. из дома к клубу. Однако К. отсутствовал, и Е. снова направился к Г., чтобы “раз и навсегда выяснить отношения, чтобы все знали”, но Г. отказалась выйти на улицу, ссылаясь на свое плохое самочувствие. Е., бормоча угрозы и проклиная Г., замахнулся на нее рукой. По словам свидетелей, угрозы Е. в отношении К. они воспринимали как желание выяснить отношения в драке, причем никто не сомневался в ее исходе (в том, что Е. побьет К.).

В тот день мать попросила К. выгулять собак, однако он всячески оттягивал этот момент, не хотел выходить из дома, был взволнован и расстроен чем-то, на ее расспросы не отвечал, постоянно о чем-то думал, предлагал перенести разговор на завтра. В руках он держал какие-то стихи и читал их. Узнав, что К. выгуливает за домом собак, Е. и Ст. пошли его искать и обнаружили около сараев. Между Е. и К. около огорода произошла драка, в результате которой К. был избит. Ст., близкий друг К., считал, что К. совершил подлость по отношению к их дружбе и к Е. лично, разбил их компанию. Несмотря на то, что К. после драки остался сидеть на земле, он не помог ему подняться и не остался с ним, а ушел с Е. Видевшие их через час после драки свидетели отмечают, что Е. был уже в другой одежде, а под глазом у него был синяк. В разговоре он обронил следующее: “Завтра будем ждать участкового”.

Домой К. ночевать не приходил. Утром Кл., обнаружив отсутствие сына в комнате, отправилась в сарай, так как иногда К. оставался там ночевать на сеничке. Лестницы на чердак она не увидела, но заметила, что щеколда на двери сарая отодвинута. Войдя внутрь, она нашла сына, который висел на веревке от боксерской “груши”. Лицо у него было в пыли, кровоподтеках, одежда и руки в грязи. Ноги почти касались земли. У ног К. стоял пень, который ранее находился в месте, где привязывали собаку. Пень весил 25 кг, но К. иногда перетаскивал его, когда возникала необходимость повесить на крюк боксерскую “грушу”.

Е. обратился в больницу через сутки после смерти К. Из акта судебно-медицинского заключения следует, что у Е. установлены повреждения в виде сотрясения головного мозга с кровоподтеком орбиты левого глаза, отеков в теменной и затылочной областях, давности нанесения которых определяется не более чем двумя днями с момента обращения последнего в больницу.

В присутствии свидетелей К. как-то высказался, что он бы не смог себя убить, т.к. для самоубийства нужна большая смелость. Вместе с тем, однажды К. привел свою знакомую на железнодорожные рельсы и сказал, что выбрал это место, чтобы лечь под поезд. 14 июня, незадолго до смерти, он также сказал ей словно в шутку: “Вот умру, и будете плакать”. Такие высказывания К. по поводу его возможной смерти фиксировались неоднократно. Так, в мае он подарил младшей сестре Г. гвоздь и сказал: “Заколотишь в крышку моего гроба”. Незадолго до описанных в деле событий К. также нечто подобное говорил Ст.: “Будешь плакать над моим гробом”. Несколько раз К. просил знакомых истолковать сны, которые ему снились: будто его родственники хоронят его, идут за гробом, плачут, а он никак не может выбить крышку гроба. Однажды с близким человеком он поделился содержанием сна: он вроде бы умер, а потом ожил и сказал: “Здорово я вас всех обманул!”.

Некоторые свидетели считают, что К. вполне мог покончить жизнь самоубийством вследствие того, что было унижено его мужское достоинство. Для него имело большое значение то, что ребята - старше его по возрасту и влиятельные фигуры в деревне - “приняли его в свой круг”, “дали ему поддержку”. Без этой поддержки никто не мог гарантировать ему личной безопасности, поскольку дрались в деревне часто и без особых поводов. Хотя К. занимался в секции таэквон-до и хотел считаться человеком физически

совершенным, к реальной жизни он не был подготовлен. На это накладывались и слабые черты характера К.: обидчивость, вспыльчивость, ранимость, слабость, неуравновешенность.

Другие свидетели утверждали, что никогда не слышали от К. намерений покончить с жизнью. Невероятно, что он мог убить себя, ведь он так себя любил: мог подолгу лежать на диване, рассматривая себя в зеркале. Обсуждал с сестрой свои прическу, одежду, манеру поведения. Был исключительно чистоплотен, избегал любых признаков грязи. Всегда был жизнерадостным, любил пошутить, строил планы на будущее, хотел после окончания школы продолжить учебу, мечтал иметь высокое положение, квартиру, дачу, машину. Говорил о том, что в будущем должен помогать своим родителям.

Психологический анализ материалов уголовного дела и проведенное экспертно-психологическое исследование показали, что для К. были характерны следующие индивидуально-психологические особенности: обидчивость, вспыльчивость, эмоциональная неуравновешенность, частая смен настроения, аффективная ригидность, застреванность на деталях, демонстративность поведения. В конфликтных ситуациях прибегал преимущественно к вербальной агрессии, драки не провоцировал, однако при необходимости от столкновения не уклонялся. Остро реагировал на оскорбления, направленные в его адрес, особенно переживал, когда его называли “голубым”, “шестеркой”, “ребенком”. Стеснялся своего физического недостатка, слабого зрения, поэтому не носил очков. Большое внимание обращал на свой внешний вид, на то, каким его видят окружающие. Пытался привлечь к себе внимание оригинальной одеждой, экстравагантным внешним видом.

Судебно-психологическая экспертиза получила возможность опосредованно ознакомиться с его бессознательной сферой, выраженной в сюжетах сновидений. В частности, несомненным фактом можно считать, что а) сюжеты, связанные со смертью, были нередки в его сновидениях; б) он обращал на них внимание, т.е. они были для него значимы; в) он неоднократно обсуждал эти сюжеты с близкими людьми. Таким образом, есть веские основания считать, что сюжеты его сновидений формировали внутренний план поведения К., оказывали на него программирующее воздействие, готовность при известных обстоятельствах поступить определенным образом. В разговорах с друзьями К. неоднократно в шуточной форме высказывал мысли о возможном самоубийстве. Испытывал потребность вступить в близкие отношения с девушкой, о чем неоднократно сообщал близкому другу, но наличие таких отношений достоверно не выявлено. Пытался самоутвердиться, посещал секцию таэквон-до, однако технически был слабо подготовлен и проигрывал в спаррингах. Восхищался Е., который был сильнее его физически. В юношеской среде опирался на его дружбу и поддержку. Был привязан к матери, находился под ее контролем.

Перечисленные свидетелями индивидуально-психологические особенности соответствуют циклотимическому складу личности. Таким людям свойственны периодические смены настроения, причем такие перемены и неслучайны, и нередки. Радостные события вызывают у них жажду деятельности, повышенную общительность, стремление выделиться, командовать; печальные - подавленность, замедленность реакций, также часто меняется манера их общения. На замечания реагируют раздражением, грубостью, в глубине души впадая в уныние, депрессию, не исключены суицидальные попытки. Учатся неровно. Настроение влияет на их самооценку.

С учетом изучения материалов уголовного дела и результатов психологического исследования эксперты-психологи пришли к следующему выводу. В период, предшествовавший описанным в деле событиям, К. находился в безвыходной ситуации, связанной с отношениями между ним, Е. и Г. Сближение с Г. вызывало резкую критику и предостережения со стороны близких и друзей - значимых для К. лиц. В то же время Г. демонстрировала ему свою заинтересованность в развитии их отношений (звонила, писала стихи, гуляла с ним, осталась наедине в походе). Ссора с отцом накануне выпускного вечера, информация о том, что Г. пригласила на выпускной Е., проблемы в взаимоотношениях с одним из близких друзей - Ст., усугубили его отрицательные переживания, что вербально выразилось в грубом поведении за общим столом. Упреждая могущие быть высказанными обвинения в подлости и предательстве, К. начинает задевать резкими замечаниями Е. и других друзей. Его страх выливается в агрессию. Взынченное состояние, в котором находился К., а также его некоторые индивидуально-психологические особенности (обидчивость, острое реагирование на шутки, чувствительность, ранимость, завышенная самооценка) привели к провоцированию быстрого развития конфликта между ним и Е.. Вернувшись из похода, К., по-видимому, предполагал, что не сможет избежать выяснения отношений с Е., он не хотел выходить на улицу, выглядел расстроенным и на расспросы матери не отвечал. В драке с Е. К. был избит. Е. спросил у Ст., с кем из них он остается, подразумевая тем самым, прощает ли он “предательство” К. Ст. ушел с Е., оставив К. одного, тем самым показав ему, как он оценивает его поведение - т.е. как предательство. Учитывая дружеские взаимоотношения между Ст. и К., то, насколько последний ценил К., уважал его, прислушивался к его мнению, выбор Ст., вероятнее всего, усилил его субъективное ощущение собственной никчемности, покинутости. Еще болезненней было ощущать себя во всех смыслах “грязным”. Из симпатичного юноши, бойкого на язык, члена одной из могущественных юношеских группировок, он очень быстро и незаметно для себя превратился в предателя, подлеца и изгоя. Он не успел адаптироваться к новому для себя состоянию, он не хотел к нему адаптироваться, но адекватными способами выхода из него он, по-видимому, не обладал. В деревне, маленькой вселенной, где все знают все обо всех, состояние “опущенного” психологически и угроза быть “опущенным” физически могла быть воспринята им как личная катастрофа.

Комплекс этих переживаний характерен для углубляющегося состояния фрустрации, ведущего к утрате гибкости поведения, растерянности, к субъективному восприятию ситуации в качестве безвыходной. Таким образом, не исключено, что после драки К. находился в состоянии фрустрации (безвыходности), которое могло быть обусловлено его индивидуально-психологическими особенностями, физическим и психологическим унижением, осуждением друзей, предшествующим конфликтом с отцом, неоптимистичными перспективами продолжения развития конфликта.

Задача судебно-психологической экспертизы в таких случаях заключается в установлении наличия или отсутствия у суицидента в период, предшествовавший смерти, психического состояния, предрасполагавшего к самоубийству. И если признаки такого состояния будут обнаружены, необходимо выявить их возможные причины, среди которых могут быть и действия указанного определенного лица.

Очевидно, что выводы посмертной экспертизы могут быть только вероятными. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, потому что экспертное исследование проводится опосредованно: по материалам дела, показаниям свидетелей, родных и близких погибшего, по исполненным им текстам, могущим дать лишь косвенную информацию о личности и обстоятельствах ее жизни. Во-вторых, потому что предрасполагающее к самоубийству состояние не обязательно приводит к суициду или суицидальной попытке. Достоверно установленное депрессивное состояние, зафиксированные высказывания о возможном суициде, даже подготовка к нему не обязательно должны были быть реализованы в суицидальной попытке. Это состояние могло быть совмещено с фактом смерти по времени, а не в результате причинно-следственной зависимости. Поэтому здесь не применимо правило *post hoc, ergo propter hoc*, поскольку “после этого”, еще не означает “вследствие этого”. В третьих, даже действия определенного лица, субъективно воспринятые погибшим как оскорбительные или угрожающие, необязательно объективно могли быть таковыми, либо достигнуть уровня соответствия квалификации ст. 110 УК РФ. В-четвертых, поведение самого суицидента могло быть неадекватным, конфликтным, провоцирующим неприязнь и агрессию со стороны третьих лиц.

Но не всегда представленные на экспертизу материалы позволяют прийти к определенным выводам, поскольку выводы экспертизы во многом зависят от полноты собранных следственными работниками данных.